
IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

МИХАИЛ КРАСИКОВ

«ОТНОШЕНИЕ ХАРЬКОВА К А. С. ПУШКИНУ» Н. Ф. СУМЦОВА Некоторые комментарии

Николай Федорович Сумцов (1854—1922), профессор кафедры истории русской литературы Императорского Харьковского университета, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1905), академик Всеукраинской академии наук (1919), литературовед, фольклорист, этнограф, музейщик, неутомимый общественный деятель, был человеком, в котором гармонически уживались страсть к украинистике¹ и любовь к русской литературе, которую он преподавал, изучал и популяризировал. В. Ф. Одоевский, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, К. Д. Бальмонт, А. И. Герцен, А. С. Грибоедов, В. Г. Короленко, М. Ю. Лермонтов, Д. С. Мережковский, Ф. И. Тютчев, Е. А. Баратынский — вот далеко не полный список русских авторов, которым посвящены были научные и научно-популярные труды ученого. Однако знакомство с библиографией Н. Ф. Сумцова (увы, неполной, неточной и нуждающейся в доработке и переиздании), где имя Пушкина встречается 47 раз,² убеждает в том, что «Солнце русской поэзии» светило Николаю Федоровичу ярче всех других звезд российской словесности.

¹ См.: Мандебура О. Микола Сумцов і проблеми соціокультурної ідентичності. Київ, 2011. 276 с.; Сумцов М. Ф. Дослідження з етнографії та історії культури Слобідської України: Вибр. пр. / Упоряд., підготовка тексту, передм., післямова та прим. М. М. Красикова. Харків, 2008. 588 с. («Студії з фольклору та етнографії Слобожанщини»; Вип. 3).

² Микола Федорович Сумцов (1854—1922): Бібліографічний покажчик / Уклад. Н. І. Полянська, В. О. Савчук, В. З. Фрадкін, В. О. Ярошик за участю Г. М. Єрофеевої. Київ: Рідний край, 1999. 240 с.

Знаменательно, что в составленном самим филологом списке своих трудов, начинающемся с 1878 года, под № 2 значится: «Отношения А. С. Пушкина к жене (в газ. “Харьков” №№ 120, 121)».³ А последняя пушкиноведческая работа Сумцова, «Пушкин и Шевченко», была опубликована в московском журнале «Украинская жизнь» в 1917 году,⁴ за пять лет до смерти автора.

Мы не ставим перед собой цель проанализировать всю сумцовскую пушкиниану, остановимся только на одной его теме: Харьков и Пушкин. Эта тема волновала Сумцова и как краеведа, и как просветителя. Историческому изучению данного вопроса он посвятил статью «Отношение Харькова к А. С. Пушкину. (К открытию памятника Пушкина)» в своей любимой газете «Южный край» (1904), популярной и в Харькове, и за его пределами.

Начинает Сумцов свою статью сакраментальной фразой: «Долгое время Пушкину не везло в Харькове».⁵ Объясняет он это так: «Правда, его читали, иногда подражали, особенно украинские писатели 40-х годов, Писаревский, Макаровский и друг., но серьезного и вдумчивого отношения к его поэзии не было, ни среди местного образованного общества, которое в лице выдающихся своих представителей (напр., Квитки) более склонялось к Жуковскому и к поэзии украинской, ни среди профессиональных и признанных местных университетских представителей словесных наук».⁶ Удивительно, что Сумцов хронологию творческого диалога «харьковцев» (как говорили в XIX — начале XX века) с Пушкиным начинает с 1840-х годов. Как знаток истории Харьковского университета (первого на территории Украины, входившей в состав Российской империи), основанного в 1805 году, биограф (часто первый) местных филологов и литераторов, он, конечно, не мог не знать, что под влиянием Пушкина находились и авторы «Украинского журнала» (1824—1825).⁷ Однако впервые заявить об этом и текстуально доказать данный тезис довелось только в 1993 году харьковскому литерату-

---

³ Сумцов Н. Ф. Сумцов // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). I. История факультета. II. Биографический словарь профессоров и преподавателей / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея; Вступ. ст. Т. Г. Павловой. [Репр. изд.]. Харьков, 2007. С. 106; pag. 2-я.

⁴ Сумцов Н. Ф. Пушкин и Шевченко // Украинская жизнь. 1917. № 3—6. С. 84—87.

⁵ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину: (К открытию памятника Пушкина) // Южный край. 1904. № 8102. 26 мая.

⁶ Там же.

⁷ См. об этом издании: Михайлин І. Нарис історії журналістики Харківської губернії. 1812—1917. Харків, 2007. С. 33—40.

роведу И. Я. Лосиевскому. В книге «Русская лира с Украины. Русские писатели Украины первой четверти XIX века» он показал, как быстро в произведениях литераторов-военных, живших в Чугуеве, но имевших тесные контакты с харьковскими «университетцами», в том числе с редактором издававшегося университетом «Украинского журнала» Александром Васильевичем Склабовским,⁸ появлялись прямые или завуалированные отклики на произведения Пушкина. Речь идет о таких авторах журнала, как Руфин Дорохов (давний друг Пушкина, воспетый им, как полагают некоторые исследователи, в послании «Счастлив ты в прелестных дурах...»), Михаил Юзefович (впоследствии упомянутый в «Путешествии в Арзрум» в качестве «поэта Ю.», автор воспоминаний о Пушкине), П. Г. Сиянов, Ф. С. Морачевский (начинавший как русский поэт, а впоследствии писавший по-украински) и других.⁹ Фраза Юзefовича (в послании «Князю П. А. Вяземскому») «Стих новый Пушкина встречали, / Как пиршество, бывало, мы»¹⁰ очень точно передает восприятие чугуевско-харьковской творческой молодежью произведений поэта, порой получаемых непосредственно от него (ректор университета И. Я. Кронеберг 9 января 1827 года доносил попечителю учебного округа Алексею Перовскому на разжалованного в солдаты Дорохова как на «имеющего переписку с Александром Пушкиным»¹¹) или от Михаила Щербинина, в 1824 году вышедшего в отставку и поселившегося под Харьковом в родовом имении Бабаи с женой — сестрой друга Пушкина П. П. Каверина. Как полагает исследователь, и из альбома Щербинина, где были два автографа стихотворений поэта, и из «тетрадей Каверина» (а Каверин бывал в Бабаях) чугуевцы и их харьковские друзья могли делать списки пушкинских произведений, в том числе не предназначенных для печати.¹²

Сумцов среди эпигонов Пушкина называет представителей «харьковской школы романтиков» Степана Писаревского и Михаил-

---

⁸ См. о нем: *Сумцов Н. Ф.* Склабовский // Историко-филологический факультет... С. 59–71; паг. 2-я.

⁹ О них см.: *Лосиевский И. Я.* Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков, 1993. С. 153–172.

¹⁰ Русский архив. 1877. №2. С. 234.

¹¹ *Лосиевский И. Я.* Русская лира с Украины. С. 155.

¹² Там же. С. 160. Однако хронологию отношений «Харьков — Пушкин» можно отодвинуть еще дальше — в 1810-е годы: ведь уже в лицейский период Француз хорошо знал лишенные назидательности блестящие сатирические миниатюры рано умершего выпускника Харьковского университета Акима Нахимова (1782–1814), повлиявшие, как считается, на его эпиграмматическое творчество (см.: Там же. С. 114–126).

ла Макаровского,¹³ но это отнюдь не очевидно (они находятся в русле украинской традиции) и требует специального исследования. Впрочем, романтическое творчество Пушкина харьковским литераторам 1830—1840-х годов (студентам Якову Щеголеву и Николаю Щербине в первую очередь), несомненно, импонировало. А некоторые из начинающих стихотворцев даже брались за вольные переводы. Например, Опанас Шпигоцкий (писавший и на русском, и на украинском) в 1831 году опубликовал в харьковском «Украинском альманахе» довольно удачное переложение на украинский начала пушкинской поэмы «Полтава» под заголовком «Марія»,¹⁴ а выпускник медицинского факультета Харьковского университета 1853 года Владимир Александров, неординарный украинский писатель и музыкант, даже перевел одно из произведений Пушкина на латынь.

Далее Н. Ф. Сумцов отчасти цитирует, отчасти пересказывает и комментирует иронично-саркастичное письмо 1828 года А. А. Дельвига к Пушкину из Харькова. Приведем его в изложении автора статьи: «Ваше поэтическое превосходительство! — писал Дельвиг. — Честь имею донести вам, что я уже десять дней нахожусь в Харькове, где не перестаю говорить о вас с гг. профессорами, судящими о вас по рекомендации Фаддея Венедиктовича» (Булгарина, т. е., очевидно, плохо). Отметив далее, что харьковцы, со слов Булгарина, «Цыган» Пушкина ставили выше всех произведений европейских муз, и заметив мимоходом в виде поправки, что «великие тени Гомера, Данте и Шекспира сами могут за себя говорить», Дельвиг добавляет не особенно любезно для самолюбия харьковцев: «притом же помыслил: да будет Булгарин пророком хотя бы во граде Харькове и да скажет он, услышав, как здесь верят в его слова: веры такой и в Израиле не обретох».¹⁵ Почему же восхищение «Цыганами», пусть и с апелляцией к авторитету Булгарина, вызвало у Дельвига такую реакцию? Уж ему ли, одному из публикаторов отрывков из этого произведения, было не знать, как восторженно приняли поэму и критики, и пишущая братия, и публика? Оценка издателя «Северной пчелы» и по смыслу, и по стилистике принципиально не расходилась с рецепцией и самого произведения, и творческого потенциала его автора литераторами «пушкинского круга», в том числе Дельвига. В письме Дельвига, написанном не позднее 18 февра-

¹³ См. их произведения: Романтики 20—40-х років XIX ст. / Упоряд., підгот. текстів, біограф. довідки і примітки Б. А. Деркача та С. А. Крижанівського; Вступ. ст. І. Айзенштока. Київ, 1968. С. 445—486, 545—598.

¹⁴ Там же. С. 491—492.

¹⁵ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину.

ля 1828 года, исследователи справедливо видят аллюзии на статью Ф. Булгарина «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год», опубликованную в № 4 «Северной пчелы» от 10 января 1828 года: «Некоторые любители поэзии, привыкшие к чтению серьезных сочинений, недовольны тем, что А. С. Пушкин пишет более легкие пьесы. В трагедии своей “Борис Годунов” он доказал, до какой степени гибок талант его, как он умеет владеть языком и с каким искусством употребляет слог важный. “Цыганы” есть одно из лучших созданий поэзии в Европе, а не в одной России. Впрочем, каждая из напечатанных его пьес имеет свое особенное, свойственное ей достоинство».¹⁶

А далее Булгарин обосновывает тезис о полной творческой свободе писателя, что вполне соответствовало представлениям и Пушкина, и Дельвига:

Можно ли повелевать вдохновением, приказывать гению? Нет! Поэт (т. е. поэт истинный, а не умный человек, пишущий стихи по желанию писать), поэт пишет, что представляет ему его воображение, что диктует сердце.

Он не может, подобно математике, разрешать темы или писать на заданные рифмы. <...> Как можно требовать от поэта, чтобы он беспрестанно доказывал нравственные задачи! — Картины природы, сцены из общественной жизни, высокие порывы и заблуждения сердца человеческого, ум и безумие — одним словом, все, что только существует в природе, принадлежит поэзии, которая все украшает собою, говорит особенным языком. Нет науки быть поэтом; для поэзии нет правил, исключая механизма стихов. Все, что хорошо, превращается в правило для потомства, и все роды хороши, если исполнены так, как исполняет их Пушкин.¹⁷

Фраза же Дельвига про тени классиков — аллюзия на булгаринское восхищение в той же статье:

Отрывок из трагедии сего же поэта «Борис Годунов». Явление происходит в 1604 году, 16 октября, на границе литовской. Я не могу удержаться, чтоб не украсить «Пчелы» этим отрывком, и, прося извинения у издателей «Сев<ерных> цветов» (т. е. Дельвига. — М. К.), выписываю эту сцену, которая мне кажется совершенством по слогу, по составу и по чувствам. Какое познание характеров,

¹⁶ Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 31; курсив наш. — М. К.

¹⁷ Там же.

сердца человеческого, местных обстоятельств. *Тени Шекспира, Шиллера, возрадуйтесь!*¹⁸

Так откуда же в письме Дельвига столько яда? Оттого ли, что дифирамбы другу поет бездарь и мерзавец, которого однокашник поэта в 1824 или 1825 году вызывал на дуэль, да тот отделался изящной фразой, понравившейся Пушкину: «Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил» (XII, 159)? Или оттого, что харьковские профессора не в состоянии оказались высказывать собственные мысли, а могли только пересказывать чужие суждения, да и то, видимо, лишь из одного источника, который почитывали, — газеты «Северная пчела»? Скорее всего, в тональности письма сыграли роль оба фактора. Однако интересный вопрос — а с кем же именно общался в Харькове Дельвиг? Со стопроцентной вероятностью можно назвать две фамилии — Борзенков и Золотарев.

Дмитрий Семенович Борзенков (Борзенко) родился в г. Ахтырке (ныне Сумской обл.) в 1777 году, после обучения в Харьковском коллегиуме окончил историко-филологический факультет Харьковского университета и с 1808 года служил в Воронежской гимназии. С 1811 года преподавал русскую словесность в Харьковском университете, с 1826 года — ординарный профессор, а в 1826—1828 годах — декан историко-филологического факультета. Скончался в 1830 году. Известен был как переводчик — в частности, перевел с латыни диссертацию своего коллеги, профессора философии И. Б. Шада, изгнанного за вольнодумство из России. Был первым биографом Акима Нахимова (его обширной статьей открывается московское издание произведений поэта 1822 года). В 1819 году в харьковском журнале «Украинский вестник» опубликовал прекрасный некролог одному из соредкторов журнала Разумнику Гонорскому. По словам Сумцова, «в университете проф. Борзенков читал введение в круг словесности, риторику и петику по Рижскому (имеется в виду учебник «Опыт риторики» И. С. Рижского. — М. К.) с упражнениями в слоге, потом эстетику и критику по Мейнерсу, историю русской словесности по руководству Греча. О характере преподавания сохранились неблагоприятные отзывы в смысле большого следования печатным руководствам и привнесения в лекции посторонних рассказов и анекдотов <...>. Проф. Борзенков был человек светский, общительный и веселый.

¹⁸ Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830. С. 31; курсив наш. — М. К.

“Везде он был приятным гостем и всегда умел занять общество своими каламбурами и рассказами”. Товарищи его любили.¹⁹

Бывший студент Борзенкова А. Г. Розальон-Сошальский удостоил своего педагога лишь такой фразы: «...преподавание его не увлекало никого».²⁰ И. И. Боровиковский написал подробней:

Теорию изящного читал нам профессор Дмитрий Семенович Борзенков, по каким-то старым запискам, далеко не изящным. Примерами изящного не пояснял своей теории, не обременял нашего внимания; едва принял в пример высокую известную оду Горация *justum ac tenacem* <За правое дело стой смело — лат.> да один из псалмов Давида: во исходе израиляеве из Египта. Но многословное его объяснение только затемняло, а не объясняло образец; его перевод Горациевой оды был контраст с метким отчеканенным переводом Кронеберга. Дмитрий Семенович был чрезвычайно тучного сложения, часто болел и пропускал лекции.²¹

Заканчивавший курс эстетики вместо заболевшего Борзенкова П. П. Гулак-Артемовский прочел со студентами «Опыт науки изящного» А. И. Галича, «сопровождая чтение своими пояснениями. Мы из этого чтения, в немногие лекции, больше позаимствовались, нежели в годичный курс Дмитрия Семеновича».²² Еще один мемуарист подтверждает такую характеристику Борзенкова:

Профессор Борзенко, ученик первого ректора университета Рижского, не умел поддержать известности и достоинства своего наставника и предместника. Он имел самые поверхностные сведения о своем предмете и никогда не относился к нему добросовестно. Его лекция никогда не выходила из рамок чужого печатного руководства, которому он следовал. <...> Вообще Борзенко, не чувствуя никакого призвания к науке, не утомлял себя учеными трудами и вел жизнь беспечного сибарита: любил поспать, покушать, а часто и выпить без меры.²³

¹⁹ *Сумцов Н. Ф.* Борзенков // Историко-филологический факультет... С. 57—58; pag. 2-я; курсив наш. — М. К.

²⁰ *Розальон-Сошальский А. Г.* Мои воспоминания // Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Харків, 2008. Т. 1. С. 36.

²¹ *Боровиковский И. И.* Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // Там же. Т. 1. С. 95.

²² Там же. С. 96.

²³ Из воспоминаний студента Н. // Там же. С. 102.

Немногим отличался от своего патрона и Иван Яковлевич Золотарев (1801—?). Уроженец Черкаска, он окончил Харьковский университет и с 1823 года читал курс риторики; «в 1826 г. ему было поручено чтение лекций по поэзии; в 1829 г. был утвержден в должности адъюнкта по русскому языку и словесности. <...> В университете Золотарев читал риторику по Рижскому, поэзию, историю русской словесности, временно логику и психологию по рукописи Дудровича. Золотарев читал лекции довольно порядочно, хотя и не пользовался большим расположением студентов»²⁴. И. И. Боровиковский вспоминал: «Лектор Иван Яковлевич Золотарев читал нам риторику: удивительную имел способность читать наизусть риторику Могилевского («Российская риторика, основанная на правилах древних и новейших авторов» А. Г. Могилевского. — М. К.); зато чтение было монотонное, наводившее сон».²⁵

Как видим, Борзенков и Золотарев отличались начетничеством, собственных мнений о литературных предметах, за ненадобностью, не имели и могли только позабавить Дельвига своим убогим провинциализмом: уровень Булгарина — это и был их уровень.

Странно, но Сумцов не приводит в своей статье известное высказывание Пушкина о Харьковском университете, хотя после письма Дельвига оно просто просится, так как является реакцией именно на него. В «Путешествии в Арзрум» есть известные строки: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации» (VIII, 446; курсив наш. — М. К.). Разумеется, в мае 1829 года, когда Пушкин решал, как ему ехать на Кавказ, у него еще был свеж в памяти сформированный Дельвигом негативный образ харьковской профессуры (вполне отвечавший, как мы увидели, действительности), и знакомиться с провинциальными версиями Булгарина ему точно не хотелось.

Далее Сумцов пишет о харьковском профессоре-филологе Василии Алексеевиче Якимове (1802²⁶—1853) и цитирует воспомина-

---

²⁴ Сумцов Н. Ф. Золотарев // Историко-филологический факультет... С. 73.

²⁵ Боровиковский И. И. Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад. С. 95.

²⁶ Л. А. Черейский обозначает 1803 год как дату рождения Якимова (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 521), однако Н. Ф. Сумцов и современные харьковские историки в публикациях о нем указывают 1802 год (см.: Харківський університет XIX — початку XX століття... Т. 1. С. 324).

ние, где сообщается, что в 1840-е годы профессор разлюбил новейшую литературу «и даже таких поэтов, как Жуковский и Пушкин, которых прежде сам был поклонником».²⁷ Исследователь справедливо отмечает, что, видимо, «самое поклонение Пушкину со стороны Якимова было очень поверхностное»,²⁸ однако почему-то не упоминает хорошо ему известный факт личного знакомства Якимова с поэтом. Специалист по творчеству В. Ф. Одоевского (автор диссертации и монографии о нем²⁹), Сумцов прекрасно знал публикацию в «Русском архиве» за 1864 год записки князя Пушкину от 27 марта 1833 года с приглашением в гости (ее он цитирует в своей статье о В. А. Якимове): «Не угодно ли Вам будет, Александр Сергеевич, выслушать Шекспирова Венецианского купца, переведенного г. Якимовым, который собирается перевести всего Шекспира? Завтра <...> Яким<ов> будет читать свой перевод у меня, и Вы много и его и меня порадуете, если захотите быть в числе слушателей. Я пригласил и кн. Петра Андреевича <Вяземского>» (XV, 56). Пушкин не «порадовал» ни хозяина, ни гостя: «...не смог приехать или намеренно уклонился, ссылаясь на “деловое свидание”».³⁰ По нашему мнению, верно второе.

Академик М. И. Сухомлинов о якимовском переводе отзывался мягко: «Перевод вышел во многих местах неуклюжим, и переводчик не достиг своей цели усвоить русской литературе произведения знаменитого английского драматурга».³¹ Н. И. Костомаров же выражается куда резче, утверждая, что Якимов «прославился в свое время бездарнейшим переводом Шекспира, из которого студенты приводили места в пример бессмыслицы».³²

М. Ф. Де-Пуле отмечал, что «Якимов принадлежал к числу литераторов [18]20—[18]30-х годов; на тогдашнем мирозерцании он остановился и не пошел далее; с тогдашними воззрениями на литературу он и остался».³³ По сути же, Якимов застрял вообще в XVIII столетии: «Он писал для актов торжественные речи, был убежден в необходимости писать такие же стихотворения и даже *песнопения*, требовал от студентов того же, хотел, чтобы они изуча-

²⁷ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Сумцов Н. Ф. Князь В. Ф. Одоевский. Харьков, 1884. 63 с.

³⁰ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 522.

³¹ Цит. по: Сумцов Н. Ф. Якимов. С. 75.

³² Там же. С. 74.

³³ Де-Пуле М. Ф. Харьковський університет и Д. И. Каченовский: Культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет XIX — початку XX століття... Т. 1. С. 292.

ли “Россиаду”; но, к счастью, требовал и хотел он всего этого как-то сонно и апатично. Якимов читал словесникам эстетику довольно сносно и историю русской литературы уже совсем плохо». ³⁴

М. И. Сухомлинов недоумевал по поводу напыщенной речи в стихах «Дар Слова», произнесенной Якимовым в 1831 году на торжественном акте Харьковского университета: «Станным может показаться, что такие вирши не только читались с университетской кафедры, но что они были выслушаны с большим удовольствием и оказалась потребность напечатать их». ³⁵

В начале марта 1832 года Якимов приехал в Петербург. «Я его познакомил с Одоевским, — писал 5 марта 1832 <года> А. В. Веневитинов М. П. Погодину, — и на сих днях мы с ним вместе поедem к Пушкину”. Эта встреча состоялась, и Я<кимов> преподнес поэту свою брошюру “Дар слова” (СПб., 1932) с дарительной подписью (помета: СПб., 20 марта 1832). 28 марта 1833 <года> Я<кимов> у В. Ф. Одоевского читал свой перевод “Венецианского купца”». ³⁶

Можно ли сомневаться, почему Пушкин манкировал приглашением к Одоевскому? Затхлостью и архаикой повеяло на него и от риторических пассажей подаренной книжки, и от самого автора, явно не очаровавшего его ни умом, ни талантом.

Говоря о харьковских русистах 1860—1870-х годов, Сумцов отмечает, что тогда в университете работали выдающиеся ученые — Н. А. Лавровский и А. А. Потебня, «но они совсем не касались Пушкина, ни в лекциях, ни в оставленных монографиях». ³⁷ Но в работе 1894 года «Материалы для истории Харьковского университета» ученый утверждал: «Из поэтов Потебня любил Гомера, Шекспира, Шиллера. Особенно близки его сердцу были Пушкин, Тютчев и Шевченко». ³⁸ Как студент, а впоследствии ближайший сотрудник и друг Потебни, принявший от него «научное крещение» (Александр Афанасьевич был официальным оппонентом на защитах трех диссертаций Николая Федоровича), Сумцов прекрасно знал круг любимых авторов, цитировавшихся при случае великим филологом. Стоит открыть труды Потебни, чтоб убедиться, что

³⁴ Де-Пуле М. Ф. Харьковский университет и Д. И. Каченовский. С. 292.

³⁵ Сумцов Н. Ф. Якимов. С. 76.

³⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 521—522; книга сохранилась в библиотеке Пушкина, см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 119. № 441.

³⁷ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину.

³⁸ Сумцов Н. Ф. Материалы для истории Харьковского университета. Харьков, 1894. С. 12.

пушкинское творчество было для него актуальным,³⁹ хотя специальных исследований о поэте он действительно не написал.

Любопытно, что фраза об игнорировании Потебней наследия Пушкина задела В. И. Харциева, еще одного ученика корифея филологии. В газете «Харьковский листок» в 1904 году появилось его «Письмо в редакцию», которое нам представляется уместным привести почти полностью, тем более что оно выпало из поля зрения как составителей библиографии А. А. Потебни,⁴⁰ так и исследователей наследия Харциева:

Как бывший слушатель Потебни, позволю себе сделать маленькую поправку. Потебня был глубоким, редким знатоком и ценителем поэзии Пушкина и в своих лекциях по теории поэзии в 80-х годах очень много внимания уделял Пушкину. (См. мои «Воспоминания об А. А. Потебне».⁴¹) В настоящее время печатается в Харькове большая, оставленная в рукописи работа Потебни, где Пушкину отведено весьма видное место⁴². Слушатели курсов Потебни в 80-х годах, в особенности во 2-й половине этого десятилетия, знакомились главным образом с тем, что такое синтаксис русского и всякого вообще языка, что такое поэтическое творчество как явление языка и мысли и как много сделал Пушкин для правильной постановки и решения вопроса о том, что такое поэт и поэзия. На практических занятиях (Чтение и разбор поэтических произведений) при чтении и комментариях таких произведений, как «Родословная моего героя», «Чернь», «Разговор с книгопродавцем», «Египетские ночи» и пр., слушатели Потебни буквально чувствовали, как открываются у них глаза и уши на вещи, которых они никогда бы не узнали, читая сами Пушкина и его критиков. В аудитории № 2 Харьковского университета, памятной каждому филологу-словеснику, мы учились под руководством Потебни читать и понимать поэзию Пушкина так, как редко удается университет-

---

³⁹ См., например: *Потебня А. А.* Слово и миф. М., 1989. С. 227, 230, 235—237, 564.

⁴⁰ См.: Олександр Опанасович Потебня: (До 170-річчя з дня народження): Біобібліогр. покажч. / Уклад. В. Ю. Франчук, Ф. Х. Широкоград, Ю. Ю. Полякова; Вступ. ст. Ф. Х. Широкоград; Бібліогр. ред.: С. Б. Глибицька. Харків, 2005. 152 с.

⁴¹ См.: *Харциев В. И.* Воспоминания об Александре Афанасьевиче Потебне // Славянское обозрение. 1892. Т. 2. Май—июнь. С. 120—126; Август—сентябрь. С. 364—376.

⁴² Речь идет о кн.: *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности: Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложение / Вступ. ст. В. И. Харциева. Харьков, 1905. 646 с.

ским слушателям: поэт действительно жег наши сердца своим глаголом.⁴³

Василий Иванович Харциев (1866—1937), учась в 1886—1890 годах в Харьковском университете, был душой небольшого кружка студентов-филологов, которым А. А. Потебня, уже тяжело больной, читал дома приватные лекции. Впоследствии преимущественно именно Харциев работал над рукописями своего учителя, готовя их к публикации, сопровождая вступительными статьями, анализируя и развивая его идеи.⁴⁴ Отдал он дань и пушкинистике.⁴⁵

В заключение приведем еще один пассаж из статьи Сумцова, где автор говорит о себе:

В 1895 г. на бывших тогда женских курсах пишущий эти строки прочитал восемь лекций о Пушкине, а вскоре, в 1897, 1898, 1900 г., прочитаны были мной специальные курсы о Пушкине студентам филологического факультета, часть которых вошла в изданные в 1900 г. мои «Исследования о Пушкине».⁴⁶ Упоминаю об этом потому, что, сколько мне известно, это были первые в харьковском университете курсы о поэзии Пушкина. Возникновение специаль-

---

⁴³ Харциев В. И. Письмо в редакцию // Харьковский листок. 1904. № 1438. 28 мая. С. 3.

⁴⁴ См.: Харциев В. И. 1) Новый труд по истории языка и мысли А. А. Потебни: (Посмертное издание) // Труды Пед. отдела при Харьковском историко-филологическом обществе. 1899. Вып. 5. С. 143—162. (Рец. на кн.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: III. Об изменении значения и заменах существительного / Предисл. В. И. Харциева. Харьков, 1899. 663, 5 с.); 2) Основы поэтики: (Лекции Потебни) // Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910. Т. 2. Вып. 2. С. 1—98; 3) Посмертные материалы А. А. Потебни // Памяти А. А. Потебни. Харьков, 1892. С. 75—87; Потебня А. А. 1) Полн. собр. соч. 5-е изд., пересмотр. и испр. Одесса, 1926. Т. 1: Мысль и язык / Под ред. Комитета по изд. соч. А. А. Потебни при ВУАН; Вступ. ст. В. И. Харциева. XXXIX, 205 с.; 2) Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка / Под ред. В. И. Харциева; Вступ. ст. Д. И. Багалея, А. М. Финкеля и В. И. Харциева. 3-е изд. Харьков, 1930. 132 с. и др.

⁴⁵ Чтение об Александре Сергеевиче Пушкине 26 мая 1899 г., в 100-летнюю годовщину его рождения / Сост. В. И. Харциев; Под ред. И. П. Хрущева. Харьков, 1899. 46 с.; Харциев В. И. Пушкинские принципы в творчестве Гоголя // Харьковский университетский сборник в память В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Харьков, 1903. С. 163—170.

⁴⁶ Сумцов Н. Ф. А. С. Пушкин: Исследования. Харьков, 1900. 350 с. Кроме отдельного издания, эта работа под названием «Исследования о поэзии А. С. Пушкина» вошла целиком в изданную под редакцией Н. Ф. Сумцова, Д. И. Багалея и М. Е. Халанского книгу «Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина (1799—1899)» (Харьков, 1900).

ных университетских курсов о Пушкине было обусловлено в значительной степени общими успехами науки. Проф. А. И. Кирпичников, открывая в 1898 г. в московском университете курс лекций о Пушкине, курс, который никогда до 1898 г. в московском университете не читался, счел своим долгом объяснить трудность, почти невозможность научных лекций по новой русской литературе, совершенно не разработанной. «Немецкий профессор, говорил по этому поводу А. И. Кирпичников, может читать специальный курс, положим, хоть о Валленштейне Шиллера, потому что в Германии все предварительные работы давно уже сделаны, материалы собраны, жизнь Шиллера известна изо дня в день и т. д. А у нас еще далеко не собраны и не установлены самые тексты наших классиков, не говоря уже об их письмах, а равно ничего не сделано для изучения среды, в которой они жили и действовали.⁴⁷

Кирпичников был руководителем первых литературоведческих работ Сумцова. Во многом ученик шел за своим учителем, усваивая и развивая его методы научного анализа. Но в разработке пушкинского спецкурса Сумцов опередил Кирпичникова на три года, и это был не только в Харьковском университете первый спецкурс по данной проблематике, но, возможно, первый или один из первых в России. Книга, изданная на его основе, нашла благожелательных читателей и критиков; рецепция ее современниками заслуживает отдельного изучения.

В силу ограниченного объема мы прокомментировали не все положения статьи «Отношение Харькова к А. С. Пушкину», не коснулись ряда персоналий, о которых стоило бы поговорить. Остается добавить, что Н. Ф. Сумцов был не только «кабинетным ученым», но и человеком с «общественной жилкой» (в том числе многолетним гласным Харьковской городской думы) и в этом качестве много сделал для увековечения памяти Пушкина в Харькове. Но это тоже тема отдельного исследования.

---

⁴⁷ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(*Государственный архив Новгородской области*)
Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(*Томский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023